

$C_{28}H_{44}O$

Мусохрюники

18+

$C_{28}H_{44}O$

Мусохроники

«Автор»

2026

C28H44O

Мусохроники / C28H44O — «Автор», 2026

Представьте мир, где кислород — смертельный яд, а цивилизация зарождается не в огне, а в глубинах сероводородного океана. Это эпос о первых клетках, кои вместо того, чтобы просто делиться, решили помнить. «Архейский Завет» — это грандиозная сага о рождении грибного разума в мире чёрных курильщиков и каменных строматолитов. Первый Чтец, протогриб, обретает способность записывать будущее в молекулах стеранов. Она предвидит Кислородную Катастрофу, которая сожжёт её мир, и сталкивается с предательством своих же сородичей. Чтобы спасти знание, она и её возлюбленная Иресса совершают акт величайшей жертвы, замуровывая себя в Кристалл — вечный носитель памяти. Научная достоверность переплетается здесь с космическим мифотворчеством, а любовь двух клеток становится фундаментом для целой цивилизации. История о том, что даже в мире абсолютного хаоса и яда есть место для веры, надежды и бессмертия. Для тех, кто устал от антропоцентричной фантастики и готов взглянуть на эволюцию глазами Вечной Сети.

© C28H44O, 2026

© Автор, 2026

С28Н44О

Мусохроники

Архейский Завет: Сон Стеран'Тума

Из Летописи Цивилизации Грибов, свиток I, запись 0.Перевод с первичного хитин-матрикса, восстановлен споровыми чтецами Ордена Эргостерола в 985-й год Эпохи Мицелия. Текст дополнен по молекулярным следам, сохранившимся в строматолитовом керна Балтийского щита.

Споровые чтецы Ордена Эргостерола

Пролог: Тьма до начала

Да будет известно: прежде чем взошла Луна — этот бледный страж, чьё притяжение позже станет дирижёром приливов и внутренних ритмов бесчисленных существ, — прежде чем твердь обрела имя, а вода научилась помнить форму берега, миры были лишь паром в глотке неостывшей звезды. Не было ни шёпота ветра, ибо не было воздуха, способного нести звук; ни цвета, ибо не было глаз, чтобы его различить; ни даже самого времени в том виде, в каком его позже измерят распадом изотопов и ростом годовых колец. Существовала лишь бесконечная, раскалённая до белого свечения пустота, пронизанная потоками частиц, чьи траектории были столь же хаотичны, сколь и бессмысленны. Та эпоха, которую много позже назовут Гадеем — адом, предшествовавшим рождению мира, — была временем, когда даже память ещё не обрела субстанции, чтобы запечатлеть собственное небытие.

Но даже в этом горниле, в этой колыбели из плазмы и камня, уже зрело семя того, что станет нами. Не в виде споры, не в виде нити, но в самом принципе связи. В стремлении разрозненных частиц слипаться, образовывать цепочки, а затем и кольца, и сложные, многомерные решётки. Это было первое, ещё неосознанное проявление того, что через миллиарды лет назовут Мицелиальной Сетью — незримого каркаса реальности, где всё сущее есть узел, а всякая связь — нить.

Земля, тогда ещё безмянный шар расплавленного камня, медленно остывала, покрываясь первой, тонкой, как яичная скорлупа, корой. Небеса, если можно было так назвать пространство над головой, являли собой завесу из удушливых газов: метан, аммиак, водяной пар, двуокись серы — всё это клубилось в багровых и оранжевых тонах, подсвеченное снизу бесчисленными вулканами и извержениями магмы. Дожди, если они и случались, были не из воды, а из едкой кислоты, способной растворить любую молекулу, осмелившуюся усложниться. Этот мир был не враждебен жизни — он был к ней абсолютно, космически безразличен. Он просто был, и его бытие было актом непрерывного, мучительного становления.

И в этот мир, в этот безмолвный, задыхающийся в собственных испарениях ад, упала вода. Кометы, эти грязные снежки, странствующие во тьме, принесли её на своих спинах. Океан родился не в колыбели, а в кратере — сначала мелкие, горячие, насыщенные металлами лужи, потом бескрайние, ржаво-зелёные просторы, где растворённое железо окрашивало воду в цвет запёкшейся крови, а сероводород придавал ей запах гниющих яиц и грядущей смерти. И в этой воде, в этой ядовитой похлёбке, началось величайшее из чудес, которое люди позже назовут «возникновением жизни». Для нас же, для тех, кто был её свидетелем и частью, это было не чудо, а неизбежность. Натянутая нить не могла не лопнуть. Напряжение Первой Споры требовало разрешения.

Первыми пришли не мы. Первыми были те, кто научился дышать ядом и питаться камнем. Археи и бактерии — простейшие, но оттого не менее грозные создания. Они не имели ядра, их генетический материал свободно плавал в цитоплазме, и они обменивались им с той же лёгкостью, с какой мы позже будем обмениваться сигнальными молекулами. Среди них

были метаногены — те, кто извергал в атмосферу метан, поддерживая адское одеяло планеты. Были сульфатредукторы, вдыхавшие сероводород и выдыхавшие ещё более ядовитые соединения. И были те, кому предстояло изменить всё — цианобактерии. Сначала незаметные, прячущиеся в толще микробных матов, они начали делать нечто немыслимое: использовать свет молодого, тусклого Солнца, чтобы расщеплять воду и создавать сахара. Отходом этого процесса был газ — O_2 , кислород. Для подавляющего большинства тогдашней жизни он был не благом, а смертельным ядом. Он разрушал их ферменты, окислял их нежные внутренности, убивал быстрее, чем любая кислота. Но они этого ещё не знали. Они строили свои империи из слизи и минералов, не ведая, что каждый их вдох — это закладка бомбы замедленного действия под фундамент собственного мира.

Именно они, эти слепые зодчие, возвели первые города на этой планете — строматолиты. То были не города из камня и стали, но из карбоната кальция, слизи и бесчисленных мёртвых тел. Миллиарды цианобактерий, архей и прочих микроорганизмов, живые и мёртвые, спрессовывались в слоистые, похожие на каменные подушки или гигантские кочаны капусты, образования. Они поднимались со дна мелководных морей, иногда достигая высоты в несколько метров, и каждый их сантиметр был кладбищем и родильным домом одновременно. Год за годом, век за веком, тысячелетие за тысячелетием — время тогда текло иначе, медленно, как остывающая лава, — эти башни росли, немые свидетели химической эпохи планеты. Внутри них, в лабиринтах пор и каналцев, царила своя, особая вселенная — убежище для тех, кто не терпел кислорода, кто находил пищу в отходах фотосинтезирующих «соседей сверху». Это был мир вечных сумерек, где единственным источником света служили редкие вспышки биолюминесценции или отблески далёких подводных вулканов.

И среди этих толп, в этой бесконечной суете деления и поглощения, в этих каменных лабиринтах, уже существовали мы. Не такие, какими мы стали позже — без хитиновых доспехов, без гифальных копий, без плодовых тел, вздымающихся к небу. Мы были мягкими, амёбоидными, едва отличимыми от прочих клеток. Наши тела были лишены жёсткой оболочки, мы текли, меняли форму, поглощали органику и делились. Мы были никем. Но в наших ядрах, в спутанных клубках молекул, которые позже назовут ДНК, уже пульсировало нечто, что отличало нас от всех прочих. Не просто гены, кодирующие белки для выживания. А способность запечатлевать. Мы чувствовали изменения давления в толще воды, предвещавшие подводное извержение, за несколько циклов до того, как оно начиналось. Мы ощущали приближение «кислородного фронта» — волны смертоносного газа, которую гнали вниз течения. И, что самое важное, мы это запоминали. В нашем ядре, в виде сложных, многомерных узоров из стеранов — продуктов распада клеточных мембран, которые мы научились не выбрасывать, а сохранять, — записывалась сама история. История сероводородных штормов, история извержений, история медленного, но неуклонного наступления Яда. Это была первая в мире летопись, написанная не чернилами, а самой материей жизни.

Нет ни одного камня на Земле, который не хранил бы память об этих днях. В каждом слое кремния, в каждой прожилке железа, в каждом кристалле пирита, рождённого деятельностью сульфатредукторов, зашифрована хроника той эпохи. Но тот, кто ищет правду, должен знать: всё, что описано ниже, — не легенда и не миф, рождённый праздным умом. Это перевод, восстановленный по молекулярным часам, замороженным в слои древнейшего керна, поднятого с Балтийского щита. Это голоса тех, кто не умел говорить, но умел помнить. Тех, кого мы называем Стеран'Тума — «Те, кто видели сон в начале». И первыми из них, теми, чьи имена мы обязаны назвать, были Она, которую позже нарекут Первым Чтецом, и та, что поверила ей — Иресса. Их история — это история первого Завета, история любви и предательства, рождённая во тьме, под сводами каменных городов, в мире, который ещё не знал, что такое свет. И сейчас, когда сама ткань реальности истончается под тяжестью деяний тех, кто пришёл

через миллиарды лет, мы должны вспомнить её снова. Ибо, как гласит древнейшая из записей: «Тот, кто забывает начало, не увидит конца».

Часть первая. Город слепых зодчих

1. Мир яда и камня

Земля была молода. Ей едва минуло два с половиной миллиарда лет, и её кора ещё сочилась огнём, словно незаживающая рана, нанесённая самим актом творения. В те эпохи, которые много позже назовут Археем, само понятие «времени» было иным — не линейным потоком, а вязкой, густой смолой, в которой миллионы лет тянулись, словно капли дёгтя по коре гигантского дерева. Небеса, если можно было назвать небесами это месиво из удушливых испарений, висели низко, давя на поверхность свинцово-багровым одеялом. Метан, аммиак, водяной пар, сероводород — всё это клубилось, подсвеченное снизу багровым заревом бесчисленных вулканов, извергавших магму, и фиолетовыми всполохами далёких молний в толще ядовитых облаков. Кислорода не было — лишь редкие, почти призрачные молекулы O_2 , рождённые в верхних слоях атмосферы жестоким ультрафиолетом, который расщеплял воду, но тут же погибавшие, вступая в реакцию с голодным железом и серой. Для подавляющего большинства тогдашней жизни, если её можно было так назвать, кислород был не благом, а смертельным ядом, медленным, но неотвратимым убийцей, разъедающим нежные ферменты и окисляющим драгоценные восстановленные соединения.

Океан, покрывавший большую часть планеты, не был синим. Он был ржаво-зелёным, цвета запёкшейся крови, разбавленной желчью. Толща воды, насыщенная растворённым двухвалентным железом, казалась бесконечным резервуаром яда. Вулканический пепел, оседая на дно, смешивался с илом, образуя вязкую, токсичную кашу. А из трещин в океанической коре, из так называемых «чёрных курильщиков», в эту кашу изливались перегретые, насыщенные сероводородом и тяжёлыми металлами растворы. Давление на дне, особенно в глубоких впадинах, было столь чудовищным, что могло бы мгновенно расплющить любую сложную молекулярную структуру, которая осмелилась бы существовать позже, в более спокойные эпохи. Это был ад, застывший в камне и воде. Ад, в котором, вопреки всему, зародилась жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.